

Ганс Гейнц Эверс Сердца королей

Когда в конце сентября 1841 года герцог Фердинанд Орлеанский возвратился из летней резиденции в свой парижский отель, камердинер подал ему на золотом подносике целую кипу корреспонденции разного рода, которая накопилась за это время, - герцог не позволял пересылать к нему в летнее уединение ничего, даже важных известий. Среди всех этих писем находилось одно удивительное послание, которое более, чем другие, заинтересовало герцога:

"Милостивый Государь!

Я имею намерение продать Вам множество картин, мною написанных. Я потребую с Вас за эти картины беспримерно высокую цену; она, однако, не может идти в сравнение с теми богатствами, которые были награблены Вашей династией. Вы найдете эту цену даже самой скромной в сравнении с той исключительной, чисто материальной ценностью, которую мои картины имеют для Королевского Дома. Вы будете таким образом благодарны мне за то, что я предлагаю Вам воспользоваться таким случаем. Но прежде всего я сообщу Вам, что я намереваюсь сделать с теми деньгами, которые получу от Вас. Я человек старый. У меня нет семьи и нет личных потребностей. Я имею маленькую ренту и не нуждаюсь в большем. И всю сумму я назначаю "Людам с горы, которые ничего не забывают". Вы знаете, Милостивый Государь, что это за союз: это почтенные люди, которые свято хранят традиции своих единомышленников, казнивших Людовика Капета. Король, Ваш отец, конечно, изгнал этот союз из Парижа и Франции, но он имеет теперь свое местопребывание в Женеве и существует там превосходно. Надеюсь, Вы еще не раз услышите об этом союзе. Итак, этим "Людам с горы, которые ничего не забывают", я отошлю эти деньги немедленно по получении, с ясно выраженным назначением обратить их на пропагандирование убийства короля. Я понимаю, что Вам может показаться несимпатичным такое употребление Ваших собственных денег, но Вы согласитесь со мною, что всякий может распоряжаться своими деньгами, как хочет. И я не питаю ни малейшего опасения, что подобное предназначение Ваших луидоров остановит Вас от покупки картин. Вы приобретете их, несмотря ни на какие обстоятельства. Я убежден даже, что Вы пошлете мне собственноручное, снабженное печатью Королевской фамилии, письмо, в котором выскажете благодарность за мою предупредительность.

Мартин Дролинг"

Бесцеремонная откровенность этого письма, которое не имело ни числа, ни адреса отправителя, произвела на избалованного герцога некоторое впечатление. Первоначальное предположение герцога, разделявшееся также и его адъютантом, что письмо написано душевнобольным, было вскоре оставлено. А любопытство, которым герцог всегда отличался и которое однажды в Алжире едва не стоило ему жизни, побудило его поручить адъютанту навести справки по поводу содержания письма и доложить ему.

Этот доклад состоялся на следующий же день. Адъютант, г. Де Туальон-Жеффрар, сообщил герцогу, что союз "Людей горы, которые ничего не забывают", действительно существует в Женеве. Два года тому назад правительство закрыло этот союз и арестовало некоторых его членов, но, в общем, придает ему мало значения, так как дело идет, очевидно, лишь о нескольких восторженных, но совершенно безопасных болтунах. Мартин Дролинг художник, смирный старик лет восьмидесяти с лишком, никогда и ничем не выдававшийся. Уже десятки лет никто ничего о нем не знает и не слышит, так как он никогда не покидает своего ателье на rue des Martirs и давным-давно ничего не выставляет. Но в молодости, наоборот, он был очень деятелен, написал несколько недурных картин, изображавших главным образом intérieurs кухни, и одна из таких кухонных сцен была даже приобретена государством и вывешена в Лувре.

Герцог Орлеанский был очень мало удовлетворен этими сведениями, лишившими странное послание всякой романтической окраски.

"Этот господин, по-видимому, имеет слишком преувеличенное понятие об аппетитах Бурбонов, - подумал он, - раз предполагает, что мы так интересуемся кухонными подробностями. Я не думаю, чтобы стоило отвечать этому чудаку".

- *Ce drole de Droling*, - промолвил он, и адъютант, как полагается в таких случаях, рассмеялся.

Но "чудака", по-видимому, был совсем другого мнения относительно этого пункта. По крайней мере, герцог спустя несколько дней опять получил от художника письмо, которое далеко оставляло за собою первое послание в смысле решительной требовательности:

"Милостивый Государь!

Совершенно непонятно, почему Вы до сих пор еще не явились ко мне? Я повторяю, что я - старый человек; поэтому для обеих сторон было бы лучше немедленно покончить с нашим делом, так как моя смерть - событие в высшей степени неприятное, но вполне возможное - может помешать нашему свиданию. Поэтому я непременно жду вас завтра утром, в половине двенадцатого, в моем ателье. Но не извольте приходить раньше этого срока, потому что я встаю поздно и не имею никакого желания ради Вас сползать с постели ранее обыкновенного.

Мартин Дролинг"

Герцог показал письмо своему адъютанту.

- Опять никакого адреса. Очевидно, он полагает, что мы и без того должны знать, где он живет. Что ж, он прав: мы теперь это знаем! Как вы думаете, уж не повиноваться ли нам строгому приказанию господина Дролинга? Давайте отправимся завтра утром, милый Туальон, но только так, чтобы быть у него, по крайней мере, на полчаса раньше. Я думаю, он будет забавнее в гневе.

№ Герцог и г. Де Туальон-Жеффрар, задыхаясь, одолели четыре высокие лестницы грязного дома внутри двора и постучались в большую желтую дверь, на которой была прибита старая дощечка с именем: "Мартин Дролинг".

Но они стучали тщетно. Ничто не шевелилось за дверью. Они кричали и колотили в дверь рукоятками своих палок. Герцога забавляла эта осада, становившаяся все более и более ожесточенной. В конце концов оба посетителя подняли настоящий адский шум.

Внезапно услышали они где-то далеко за дверью дрожащий голос: - Что там такое? Что случилось?

- Вставайте, папа Дролинг! Вставайте! К вам гости! - воскликнул герцог, чрезвычайно развеселившийся.

- Я встану, когда мне будет нужно, - послышалось в ответ, - а не тогда, когда это будет угодно вам.

Но герцог был в настроении.

- Мы будем штурмовать крепость! - воскликнул он и скомандовал: - Пли!

Оба стали ломиться в дверь, которая трещала по всем швам. В промежутках они барабанили по ней палками и снова кричали:

- Вставайте, соня! К вам гости! Вон из постели!

Изнутри слышались невнятные ругательства и звук подпрыгивающих шагов.

- Делайте, что хотите, но вы не войдете сюда, пока я не умоюсь, не оденусь и не позавтракаю!

Герцог уговаривал. Просил, проклинал - все напрасно. Он не добился никакого ответа. Наконец он покорился и уселся вместе с адъютантом на верхней ступеньке лестницы.

- Теперь я могу лично познакомиться с неприятным занятием сидения в передних. № но только передняя здесь чересчур плоха. Я отомщу за это.

Из мемуаров княгини Меттерних известно, что герцог в самом деле отомстил. С каким-то истинным сладострастием он потом заставлял посетителей целыми часами сидеть в его передних. Нередко он допускал к себе иных, только что явившихся, просителей просто для того, чтобы доставить себе удовольствие еще дольше заставить ждать других, которые и без того уже три часа сидели в передней. №

Наконец за дверью зашевелились. Послышалось звяканье ключа в замочной скважине, отмыкание засова и глухой шум от падения тяжелой железной перекладки.

Вслед за тем дверь открылась, и показался маленький бледный человечек в костюме времен первого консульства. Его платье было когда-то элегантно, но полиняло и износилось. Морщинистое безбородое маленькое лицо измученно выглядывало из-за огромного черного галстука. Сверху оно было обрамлено целой копной грязно-белых волос, которые в диком беспорядке торчали над головою.

- Я - Мартин Дролинг, - промолвил человечек. - Что вам угодно?

- Вы пригласили нас сегодня утром к себе. № - начал герцог.

Но маленький художник прервал его. Он вытащил из кармана тяжелые серебряные часы и поднес их к носу герцога.

- Я просил вас прийти ко мне в половине двенадцатого, не раньше. А сколько часов сейчас? Одиннадцать часов двадцать минут! И вы уже с полчаса выкидываете здесь ваши нелепые шутки. В наказание вы заплатите за каждую мою картину на тысячу франков больше. Кто из вас господин Орлеанский?

Адъютанту показалось, что старик в своем обращении с герцогом зашел уже слишком далеко. Он счел своим долгом направить его на путь истинный и, показывая на герцога, промолвил значительным тоном:

- Господин Дролинг, перед вами Его Королевское Высочество, герцог Орлеанский.

Маленький художник вскипел от ярости:

- Называйте этого господина, как вам нравится. Мне нет до этого никакого дела. Но мне позвольте именовать его так, как он зовется. Кто, собственно, вы-то сами? Не пожелаете ли назвать мне себя?

Герцог одно мгновение наслаждался безмолвным смущением своего спутника, а затем промолвил со всею своею любезностью:

- Позвольте вам представить, господин Дролинг, мой адъютант, господин де Туальон-Жеффрар, подполковник Второго кирасирского полка.

Дролинг слегка поклонился:

- Я не знаю вас, милостивый государь, и не собираюсь знакомиться с вами. Я вас не приглашал и не имел в виду принимать вас. Поэтому уходите.

Как почти все члены Королевских домов, герцог вполне зависел от окружающих его людей. При этом он не был настолько неумен, чтобы не сознавать этой зависимости. Поэтому он часто ненавидел своих окружающих, от которых ему не удавалось избавиться ни на минуту, и ничто так его не радовало, как если с тем или другим из них приключится что-нибудь обидное. Манера, с которой господин Дролинг трактовал его адъютанта, так чудовищно гордившегося принадлежностью к рыцарству крестовых походов, настолько забавляла герцога, что он едва мог подавить улыбку.

- Ступайте, милый Туальон, - сказал он, - ожидайте меня внизу, в карете. Г-н Дролинг прав: он принимает только тех людей, которые ему приятны.

В полном негодовании адъютант низко поклонился и молча направился к лестнице. Но он получил удовлетворение. То, что он услышал сейчас от Дролинга, почти примирило его с сумасшедшим художником.

Господин Дролинг именно сказал:

- Если вы воображаете, господин Орлеанский, что вы мне приятны, то жестоко разочаруетесь. Напротив, вы мне в высшей степени несимпатичны. Я пригласил вас только потому, что имею к вам дело. Войдите.

Господин де Туальон ядовито усмехнулся, когда дверь захлопнулась. Как все адъютанты, он в глубине сердца ненавидел своего господина не менее, чем тот его.

Пока художник запирал дверь, задвигал засов и снова укреплял железную перекладину, герцог осматривал ателье. Там стояли два пустых мольберта, на стенах висели едва начатые эскизы и наброски, лежали на ящиках, стульях и подушках пожелтевшие костюмы. Все было покрыто пылью и загрязнено. Ни одной картины герцог не мог нигде найти.

Разочаровавшись, он опустился на маленький стул посередине комнаты.

Но едва он сел, как у него под ухом задребезжал дрожащий, словно пение скрипки, голос старика:

- Разве я приглашал вас располагаться здесь? Вашей почтенной фамилии, господин Орлеанский, по-видимому, неизвестны даже самые простые правила приличия. Что сказали бы вы, если бы я, будучи у вас в гостях, уселся, не дождавшись приглашения? Кроме того, это мой стул.

На этот раз герцог пришел в серьезное смущение. Он вскочил. Господин дролинг сбросил какие-то старые лоскутья с тяжелого кожаного кресла, подвинул его немного вперед и затем церемонно добавил:

- Прошу вас садиться!

- Прошу вас, сначала вы! - возразил таким же тоном герцог, решившийся добросовестно разыграть всю эту комедию.

Но Дролинг настаивал:

- Нет, садитесь, пожалуйста. Я здесь дома, а вы мой гость.

Герцог опустился в кресло. Дролинг заковылял к массивному старинному шкапу, открыл его и достал оттуда дивно отшлифованный венецианский графин и две рюмки.

- У меня редко бывают гости, господин Орлеанский, - начал он, - но, если кто-нибудь посетит меня, я имею обыкновение угощать его рюмкой портвейна. Выпейте. Даже за столом вашего отца во дворце вы вряд ли получите лучшее вино.

Он налил рюмки доверху и подал одну из них герцогу. И, не заботясь о том, пьет тот или нет, поднял свою рюмку к свету, нежно потрогал ее рукой и стал пить маленькими глотками. Герцог тоже отпил и должен был сознаться, что вино в самом деле необыкновенное. Дролинг налил рюмки снова и имел такой вид, словно и не собирался совсем говорить по поводу продажи картин. Тогда герцог начал:

- Вы пригласили меня сюда затем, чтобы продать мне некоторые из ваших картин. Я знаком с вашим жанром по интерьеру кухни в Лувре.

- Вы видели эту картину? - живо прервал его художник. - Ну, и что же? Как вы находите ее?

- О, она чрезвычайно хороша! - похвалил герцог. - очень художественная картина! Удивительно богата настроением.

Но его слова произвели совсем не то действие, какое он ожидал. Старик откинулся назад на своем стуле, провел пальцами по своей белой гриве и сказал:

- Вот как! Ну, так это доказывает, что вы ничего, ровно ничего не понимаете в искусстве. Картина, наоборот, скучна, лишена настроения, одним словом, никуда не годится. Она недурно написана, да, но с настоящим искусством не имеет ничего общего. Только в коричневом горшке с отбросами есть нечто от Людовика XIII, и потому!

- Нечто от кого? - спросил удивленно герцог.

- От Людовика XIII, - повторил спокойно Дролинг. - Но мало. Очень мало. Это была первая слабая попытка, которую я тогда сделал, беспомощное нащупывание. Очень печально, что вам нравится этот навоз, господин Орлеанский.

Герцог понял, что не имеет никакой нужды быть дипломатичным с этим придурковатым чудаком, и решил пренебречь всякими фокусами и обратился к естественной простоте.

- Простите меня, господин Дролинг, - начал он снова, - что я пытался из вежливости ввести вас в заблуждение. Я никогда не видал вашей картины в Лувре и поэтому не могу и судить, хороша она или плоха. Впрочем, я в самом деле понимаю в искусстве очень мало. Гораздо меньше, чем в вине. Ваше вино, действительно, замечательно.

Старик снова наполнил рюмку.

- В таком случае выпейте, господин Орлеанский. Итак, вы мне солгали, что моя картина очень хороша и вовсе не видели ее.

Он поставил графин на пол и потряс головою.

- Фу, черт! - продолжал он. - Сразу видно, что вы из Королевского Дома. Ничего другого нельзя было и ожидать.

И он посмотрел на своего гостя с выражением необыкновенного презрения.

Герцог чувствовал себя очень плохо. Он беспокойно ерзал в своем кресле и медленно пил вино.

- Может быть, мы поговорим о нашем деле, господин Дролинг? Я нигде не вижу картин.

- Вы еще увидите картины, господин Орлеанский, все до единой. Они стоят там, за ширмой.

Герцог поднялся.

- Подождите еще немного, посидите. Я считаю необходимым предварительно объяснить вам, почему мои картины представляют такую ценность для вашей фамилии.

Герцог снова молча уселся. Дролинг поставил свою маленькую ногу на сиденье своего технолого табурета и обхватил колено руками. Он походил теперь на отвратительную старую обезьяну.

- Поверьте мне, господин Орлеанский, что я обратился к вам вовсе не случайно. Я долго обдумывал это и могу вас уверить, что мне в высшей степени противно думать, что мои картины будут находиться в обладании такой гнусной фамилии, как Валуа-Бурбоны-Орлеаны. Но, видите ли, даже самый ярый любитель не заплатил бы мне за мои картины той суммы, которую заплатят Орлеаны, и это говорит само за себя. Другой кто-либо предложил бы мне известную цену, и я был бы должен принять его предложение, если бы не хотел отказаться от продажи. А вам я могу просто диктовать свои цены. К тому же династия королей Франции некоторым образом имеет право на эти картины, так как они - правда, в несколько необычной форме - содержат в себе то, что в течение столетий было для вашего дома святым и остается таким и поныне.

- Я не совсем понимаю вас, - сказал герцог.

Мартин Дролинг покачивался на своем стульчике.

- О, вы сейчас поймете меня, господин Орлеанский, - усмехнулся он. Мои картины содержат сердца королей Франции.

Герцог внезапно пришел к твердому убеждению, что имеет дело с душевнобольным. Если все это и не могло для него быть опасным (впрочем, в Алжире он неоднократно доказал свою неустрашимость), то, по крайней мере было бесцельно и бессмысленно. Невольно бросил он взгляд на дверь.

Старик поймал его взгляд и заметил:

- Вы мой пленник, господин Орлеанский, так же, как некогда ваш дедушка. Я имел в виду, что вы можете улизнуть, и поэтому запер дверь. А ключ у меня здесь - здесь, в моем кармане.

- Я не имею ни малейшего намерения бежать, - возразил герцог, которому показалось весьма комическим величавое обращение маленького человечка. Он был высокий, очень сильный мужчина и мог бы одним ударом повалить на пол старика и отнять у него ключ. - Не можете ли вы наконец показать мне ваши картины?

Дролинг соскочил со своего стула и заковылял к ширме.

- Да, да, я покажу, господин Орлеанский. Радуйтесь! - он вытащил довольно большое полотно в подрамнике, поволок его за собой и подял на мольберт так, что картина была обращена к герцогу задней стороной. Он заботливо смахнул с нее пыль тряпкой, затем встал сбоку около картины и провозгласил крикливым тоном, словно хозяин ярмарочного балагана:

- Здесь вы видите сердце одного из блестящих представителей Французской Королевской фамилии, одного из величайших властелинов, которых когда-либо носила земля: сердце Людовика XI.

С этими словами он повернул мольберт так, что герцог мог видеть картину. Она представляла могучее, лишенное листьев дерево, на ветвях которого висели десятка два

голых, полразложившихся мертвецов. В темной коре дерева было вырезано сердце, носившее инициалы "L. XI".

Картина поразила герцога непосредственной жесткокой реальностью. От нее, казалось, исходил отвратительный запах тления, и герцогу невольно захотелось зажать нос. Он достаточно хорошо знал историю Франции, и в особенности историю Королевского Дома, чтобы тотчас понять содержание картины. Она представляла знаменитый "сад" его предка, благочестивого Людовика XI, большого любителя казней. То обстоятельство, что художник предложил картину для покупки не кому-нибудь, а именно ему, герцогу, который прославился гуманностью во время своей африканской службы и низвел до ничтожной цифры излюбленное там вешание, - это обстоятельство показалось ему по меньшей мере весьма безвкусным. Равным образом нашел он достаточно поверхностной и самую символику этой картины, так претенциозно названной художником "Сердце Людовика XI". И только убеждение в ненормальности старика заставляло его и теперь оставаться учтивым.

- Я должен вам признаться, господин Дролинг, - промолвил он, - что, хотя художественные достоинства вашей картины кажутся мне выдающимися, лично моему вкусу этот исторический мотив говорит слишком мало. Культ предков в нашем доме вовсе не идет так далеко, чтобы мы восхищались всеми жестокостями наших наполовину варварских предшественников. Я должен сказать, что я нахожу это немного №

Герцог остановился, подыскивая, по возможности, более мягкое выражение. Но художник подскочил к нему и, потирая с довольным видом руки и наступая на него, приставал:

- Ну! Ну как, именно №

- Безвкусным! - произнес герцог.

- Bravo! - осклабился старик. - Bravo! Прекрасно! Я и сам того же мнения. Но ваш упрек не задает меня. Ничем и ничуть не задает. Он задает опять-таки Королевский Дом. Обратите внимание: все глупое и нелепое исходит из вашего дома. Слышите, милостивый государь: эта идея принадлежит вовсе не мне, а вашему деду.

- Кому?

- Отцу вашего отца, который ныне король Франции, моему доброму другу Филиппу Эгалите. Когда мы с ним возвращались с казни вашего дяди, Людовика Шестнадцатого, он внушил мне эту мысль. Вообще, идея эта в художественном отношении плоха. Она слишком откровенна, слишком грубо трактована и неуклюжа. И я несколько не удивляюсь, что вы заметили это. Корова и та догадается, что перед нею отвратительное сердце Людовика XI. Оно было самое большое из всех и при этом имело ужасный запах. У меня всегда болела голова, когда я употреблял его для нюханья. Кстати, не хотите ли понюхать табачку?

Он вытащил широкую золотую табакерку и предложил гостю. Герцог, который в самом деле очень любил нюхать табак, взял немного и зачихнул в нос.

- Недурная смесь, - сказал старик, - принц Гастон Орлеанский, Анна Австрийская и Карл V. Ну-с, как вам нравится? А ведь это превесело забивать себе в нос лучшие останки ваших высокопоставленных предков!

- Господин Дролинг, - промолвил герцог, - ваш нюхательный табак я должен похвалить так же, как и ваше вино. Но, простите меня, ваших слов я совершенно не понимаю.

- Чего вы не понимаете?

- Что вы мне тут рассказываете о моих предшественниках, которые сидят в ваших картинах и в вашей табакерке?

- Глуп, как представитель Орлеанского дома! - прокаркал старик. Поистине, вы еще глупее, чем ваш дядя, хотя и тот был в достаточной мере осел, что он и засвидетельствовал, перейдя к жирондистам. Впрочем, он покался потом под ножом гильотины в этой измене. Вы все-таки не понимаете, господин Орлеанский? Так слушайте же, что я скажу: мои картины написаны сердцами королей. Поняли вы это?

- Да, господин Дролинг, но №

- А из этой табакерки и из других табакерок я нюхаю с табаком то, что осталось от

королевских сердец после моих работ. Поняли?

- Я прекрасно слышу то, что вы говорите, господин Дролинг. Вам нет необходимости так кричать. Я только не совсем уясняю себе взаимную связь№

Художник вздохнул, но ничего не ответил. Молча подошел он к шкапу, достал оттуда пару маленьких медных пластинок и протянул герцогу:

- Вот! Там на полке лежит еще тридцать одна. Я дарю их вам все. Вы получите их как приложение к картинам.

Герцог внимательно прочитал надписи на обеих пластинках, а потом подошел сам к шкапу и стал рассматривать остальные. Надписи свидетельствовали, что это были памятные дощечки от урн, в которых хранились сердца королей, принцев и принцесс Королевского Дома. Герцог понемногу стал понимать.

- Откуда вы их достали? - спросил он. Помимо его воли в тоне его звучало нечто надменное.

- Я купил их, - ответил старик тем же тоном. - Вы знаете, художники часто интересуются разной ветошью и старым хламом.

- В таком случае продайте мне пластинки обратно!

- Ведь я же подарил вам их. Вы можете повесить их под моими картинами. Я скажу вам, какая куда относится. Вот эта, - он взял у герцога из рук одну пластинку, - принадлежит одной из самых забавных моих картин. Вы сейчас увидите ее.

Он повесил пластинку на гвоздь внизу мольберта, снял с мольберта картину и прислонил ее к своему стулу. Затем пошел своей припрыгивающей походкой снова за ширмы и в следующее мгновение потащил за собою очень большую новую картину.

- Помогите мне, пожалуйста, господин Орлеанский. Она довольно тяжела!

Герцог поднял тяжелый подрамник и поставил его на мольберт. Когда он отошел в сторону, страик постучал пальцами по медной пластинке и продекламировал:

- Здесь вы видите сердце Генриха IV, первого Бурбона! Оно немножко повреждено кинжалом Равальяка, человека высоких и достохвальных принципов!

Картина изображала огромную кухню; большая часть ее была занята чудовищным очагом с многочисленными устьями, из которых выбивалось пламя. Над всеми этими устьями стояли кухонные горшки, и в них варились живые люди. Иные пытались выбраться, другие хватались за своих соседей, выли, корчили ужасные гримасы. Отчаянный страх, неслыханная мука запечатлелись в их изнуренных голодом лицах. На очаге было нарисовано сердце с инициалами Генриха IV.

Герцог отвернулся.

- Я ничего не понимаю! - сказал он.

Дролинг весело рассмеялся.

- А между тем вы можете в любом школьном учебнике прочитать великие слова вашего благородного предка: "Я хотел бы, чтобы каждый крестьянин в воскресный день имел в своем горшке курицу", - взгляните сюда: вы видите здесь кур, которых король сам имел в своем горшке. Это, поистине, королевское сердце - этот кухонный очаг! Не хотите ли оценить еще и вашим обонянием этого Бурбона?

Он достал из шкапа другую табакерку и предложил герцогу. - Тут не очень уж много, продолжал он, - но все-таки возьмите. Хорошая смесь: Генрих VI и Франц I. Попробуйте. От нее рождаются хищные мысли.

- Вы хотите сказать, господин Дролинг, - спросил герцог, - что этот табак, эта темно-коричневая пыль добыта из сердец обоих королей?

- Именно это я и хочу сказать, господин Орлеанский. У этого табака нет иного происхождения№ Я сам смешивал его.

- Откуда же вы достали сердца?

- Я же их купил. Разве я не сказал вам этого? Вас интересуют подробности? Так слушайте! - он пододвинул герцогу кресло и снова вспрыгнул на свой стул.

- Пти-Радель№ Вы слышали что-нибудь о Пти-Раделе? Нет? Ну и необразованны же

вы, настоящий Орлеанский! Это я уже давно заметил! Ваш дед был очень дружен с архитектором Пти-Раделем. Вот однажды Пти-Радель получил от Комитета поручение разрушить нелепые королевские гробницы в подземельях Сен-Дени и Валь-де Грас. Он исполнил это, скажу я вам, очень добросовестно. Затем он должен был проделать такую же операцию и в иезуитской церкви на улице Сен-Антуан. Ваш дед уведомил меня об этом. "Ступай с ним! - сказал благородный Филипп. - Там ты можешь дешево купить мумии!" Вы знаете, что это такое, господин Орлеанский? Не знаете? Ну, мумия есть мумия. Это остатки набальзамированных тел, которые потом обращают в краску. И дорога же эта краска, Бог ты мой! Вы можете таким образом понять, как я был рад купить ее дешево. В иезуитской церкви мы нашли сосуды с набальзамированными сердцами королей и принцесс. Пти-Радель разбил сосуды на куски, а я купил при этом случае медные дощечки и сердца.

- И вы натерли краску из сердец?

- Да, разумеется. Как же иначе? Только на это единственно и годны королевские сердца. Нет, я должен оговориться: в качестве нюхательного табаку они тоже превосходны. Не угодно ли вам: Генрих XI и Франц I?

Герцог отказался: - Очень благодарен, господин Дролинг.

Старик захлопнул табакерку. - Как вам угодно. Но вы напрасно упускаете такой случай. Вы никогда не будете иметь возможности нюхать королевские сердца.

- Часть сердец, которая не была превращена вами в нюхательный табак, пошла на картины?

- Без сомнения, господин Орлеанский. Я думал, что вы уже давно догадались об этом. В каждой из моих картин вы найдете одно из сердец семьи Валуа-Бурбон-Орлеанов. Чье сердце вы теперь желаете видеть?

- Людовика XV, - сказал герцог наудачу.

На мольберте быстро появилась новая картина. Она была выдержана сплошь в темном фоне. Даже телесные тона отличались матово коричневым колоритом.

- По-видимому, вы немало потратили мумии на это, господин Дролинг! заметил герцог. - Разве сердце было так велико?

Старик рассмеялся:

- Нет, оно было совсем маленькое, совершенно детское сердце, несмотря на то, что ему стукнуло шестьдесят четыре года. Но я взял здесь еще и другие сердца: регента, герцога Орлеанского, Помпадур и Дюбарри. Перед вами раскрывается здесь целая эпоха.

Картина представляла собой огромное количество мужчин и женщин, которые в величайшей суматохе и давке теснили друг друга, сталкивались, ползали один по другому.

Некоторые были совершенно голые, большинство же в костюмах своего времени, в кружевных камзолах, жабо, в длинных париках с коками. Но у каждого из них вместо головы на плечах был череп, обтянутый пергаментной кожей. В их движениях было что-то звериное, собачье, но в виртуозно нарисованных фигурах и костюмах, а также в руках и плечах - человеческое. Общее же выражение, как отдельных частных, так и всей среды, было отвратительно-животное. Эта странная смесь жизни и смерти, зверя и человека представляла такое гармоническое созвучие, что картина производила на зрителя потрясающее впечатление. Дролинг, от которого не ускользало ни малейшее движение гостя, показал ему на графин:

- Прошу вас, угощайтесь, господин Орлеанский! Ваша немая критика в высшей степени удовлетворяет меня.

- Я нахожу эту картину ужасной! - промолвил герцог.

Старик крикнул от удовольствия.

- Не правда ли? Скажите лучше - тошнотворной, отвратительной! Одним словом, истинно королевской.

Потом он вдруг сделался серьезным:

- Поверьте мне, господин Орлеанский, мне стоило неслыханных мучений писать эти картины. Ни одна из казней дантовского Ада не может с этим сравниться - с копанием в

глубине королевских сердец. Прошу вас, принесите сюда другую картину!

Герцог отправился за ширмы и увидел там целый ряд картин, натянутых на подрамники и обращенных лицевой стороной к стене. Он взял ближайшую и поставил ее на мольберт.

- А, вы подцепили сердце Капла IX! Ни одно из них так не жаждало крови, как его сердце.

Герцог увидел широкую реку, медленно струившуюся между плоских берегов навстречу двигавшемуся вечеру. По мутным волнам плыл бесконечный плот, плот мертвецов. На самом переднем плане стоял, высоко подняв голову, паромщик тощая, закутанная в пурпурную королевскую мантию фигура, с бледным, покрытым нарывами лицом. Безумный взгляд его был тупо устремлен вперед. Он вонзал в речное дно мощный багор и гнал свой ужасный груз вниз по течению.

Следующая картина показалась герцогу еще более ужасной. Она изображала в естественную величину мужской труп, пришедший в совершенное разложение. Из глазных впадин выползали черви; насекомое, похожее не черного, усеянного желто-красными крапинами жука, пожирало нос и рот. На разорванном животе сидели два изумительно написанных коршуна. Один из них погрузил глубоко в живот голову и шею, другой пожирал вытащенные наружу внутренности. В ногах виднелось несколько крыс, которые жадно глодали сгнившие пальцы.

Герцог отвернулся, бледный, как мертвец. Он почувствовал, что его сию минуту стошнит. Но старик потянул его за рукав:

- Нет, нет, взгляните в картину хорошенько. Она самая лучшая из всех моих картин, вполне достойная вашего великого предка, Людовика XIV. Вы его не узнаете? Это был он, который сказал наглое слово: "Государство - это я". Ну вот вы и видите, какое это было государство в действительности: сгнившее, сожранное, разложившееся!

Герцог опустил в кресло, повернувшись к картине спиной. Он налил полную рюмку и выпил.

- Разрешите, господин Дролинг! Ваше искусство действует даже и на крепкие нервы.

Художник подошел к нему и протянул ему рюмку:

- Будьте добры, налейте и мне! Благодарю вас! Чокнемся, господин Орлеанский, за то, что я наконец избавился от проклятия!

Рюмки зазвенели одна о другую.

- Да, я теперь свободен! - продолжал старик, и в его дрожащем голосе зазвенело ликование. - все эти ужасные сердца исписаны, а то небольшое, что от них осталось, покоится в моих табакерках. Труд моей жизни кончен. Отныне я никогда больше не возьму в руки кисти. Когда вы распорядитесь сегодня пополудни взять мои картины, то захватите с собою также и все мои рисовальные принадлежности. Вы обяжете меня, если сделаете это! - Затем страстным голосом он воскликнул: - И никогда, никогда больше я не буду иметь надобности видеть весь этот ужас! Я свободен! Совершенно свободен!

Он пододвинул стул вплотную к креслу герцога и схватил обеими руками его правую руку.

- Вы - Орлеанский, вы сын короля Франции. Вы знаете теперь, как ненавижу я вашу семью. Но в это мгновение я так бесконечно рад, что почти забываю, какие ужасные мучения в течение целых десятилетий я испытывал из-за вашей семьи. С тех пор, как стоит земля, никогда ни один человек не вел такой жизни. Слушайте, я хочу вам сказать, как все это произошло. Хоть один человек должен это знать. Почему же этому человеку не быть наследником трона нашей несчастной страны?

Я уже говорил вам, что купить королевские сердца и таким образом дешево приобрести мумии побудил меня ваш дед, Филипп Эгалите. Он был мой добрый друг и часто посещал меня, и ему я обязан тем, что моя картина была приобретена государством для Лувра. Этот внутренний вид кухни был первой картиной, для которой я употребил сердце. Из презрения к королю я написал тогда мумией - маленькой частью сердца Людовика XIII - горшок с

отбросами. Дешевая и безвкусная шутка! Впрочем, в то время мои чувства к вашему дому были не такие, как теперь. Хотя я ненавидел короля и австриячку, но не более, чем все парижане. А Филипп был даже мой добрый друг. Его ненависть к собственной семье была даже больше. Чем моя, и никто иной, как именно он, внушил мне мысль употребить королевские сердца не только для материального, но и для идейного содержания моих картин. И это именно он подал мне мысль нарисовать "сад" Людовика XI, чтобы достойным образом изобразить сердце этого короля.

Скажу вам, господин Орлеанский, что я был тогда восхищен идеей вашего деда. Я имел в распоряжении тридцать три сердца, и из них восемнадцать королевских сердец. Я мог написать восемнадцать картин из французской истории так, как они отражались в сердцах этих королей, и я мог написать эти картины их собственными сердцами! Можете ли вы представить себе что-нибудь более соблазнительное для художника?

Я тотчас же приступил к работе, начав с сердца Людовика XI, и вместе с тем стал изучать историю моей страны, с которой до того я был знаком очень мало. Ваш дед доставлял мне книги, которые он мог раздобыть, а также множество секретных актов, дневников, мемуаров, из Сорбонны, из королевского замка, из ратуши. В течение долгих лет я погружался в сочащуюся кровью историю вашего дома и проследил весь жизненный путь каждого из ваших предков до последнего их дыхания. И все более сознавал я, какую ужасную работу возложил на себя. Ведь каждая картина должна была представлять собою квинтэссенцию всех сердечных переживаний каждого короля, а между тем все, что я ни создавал, всегда оставалось бесконечно далеко от ужасной действительности. Моя работа была так чудовищно велика, требовала такой колоссальной суммы самых ужасных мыслей и образов, какие только может вместить человеческий мозг, что я приходил в совершенное отчаяние и падал под этой гнилой, отвратительной тяжестью моей задачи. Перступления Валуа-Бурбон-Орлеанов были так чудовищно велики, что мне казалось совершенно невозможным одолеть их кистью художника. Обессиленный этой борьбой, бросался я поздно ночью на кровать, а рано утром снова начина бороться. И чем больше погружался я в эту кровавую лужу нечестивого безумия, тем немыслимее казалось мне овладеть им.

И стала расти во мне смертельная ненависть к Королевскому Дому, а вместе с тем ненависть к тому, который вверг меня в эту душевную муку. Я мог бы тогда задушить вашего деда. В течение долгого времени он был далеко от меня, и я был рад, что не вижу его. Но в один прекрасный день он вторгся, возбужденный, в мою мастерскую. Он перешел к жирондистам, сам был объявлен изменником, и его преследовали люди Дантона. Ваш отец был умнее: он остался верен якобинцам, пока не убежал с Дюмуре№ И вот Филипп стал просить меня, чтобы я защитил его, - спрятал где-нибудь. О, во всем Париже он не мог бы найти другого человека, который с большим удовольствием предал бы его палачу! Я немедленно послал своего человека в Комитет, запер дверь и продержал Филиппа в плену, пока его не увели стражники. Десять дней спустя его казнили. В награду за свой патриотический поступок я выпросил себе его сердце.

Герцог прервал его:

- Но ведь вы же не могли писать свежим сердцем?

- Разумеется, не мог. Но ведь у меня было достаточно времени. Ужасающе много времени! Я должен был сначала использовать все остальные сердца. Я набальзамировал сердце вашего деда, и затем оно сохло целых тридцать шесть лет. Из него получилась превосходная краска. Это была моя последняя картина. Постойте, я покажу вам ее.

Он прыгнул к ширме и вытащил еще один подрамник.

- Вот, господин Орлеанский! То, что вы здесь видите, часто, очень часто билось тут, на том самом кресле, на котором вы сейчас сидите: это было сердце вашего деда, герцога Орлеанского, Филиппа Эгалите!

Герцог невольно схватился за грудь. У нег было такое ощущение, будто он должен крепко держать свое сердце, чтобы ужасный старик не мог вырвать его и из его груди. Еле решился он взглянуть на картину.

Картина изображала на заднем своем плане железную ограду с многочисленными острыми, которая занимала всю ширину полотна. А впереди, на всем пространстве картины, виднелись сотни вбитых в землю кольев, и на каждом колу так же, как и на каждом острие ограды, была посажена человеческая голова. Колья были расставлены в форме сердца - так, что ограда двумя своими полукругами представляла как бы верхнюю границу сердца. Внутреннее пространство сердца также было утыкано кольями. И казалось, что из этого темно-красного сердца вырастают цветы смерти. Высоко над кольями виднелось как бы витающее в желтоватом тумане огромное лицо, корчившее демонически смеющуюся гримасу. И это лицо (если посмотреть повнимательнее, это была тоже отрубленная голова) имело опять-таки форму сердца: характерную грушевидную форму, свойственную всем представителям Орлеанского дома. Герцог не знал своего деда, но сходство этого грушевидного лица с лицом его отца и даже с его собственным сразу бросилось ему в глаза. Все более и более охватывал его сжимавший сердце страх, но он не мог отвести взгляда от ужасного зрелища гильотинированной головы. Слово издалека доносилось до его ушей голос старика:

- Да вы поглядите только внимательнее, господин Орлеанский. Ведь это все портреты! Все портреты! О, мне стоило большого труда добыть портреты всех этих господ! Вы желаете знать, чьи это головы, над которыми так сердечно радуется там, наверху, превратившийся в сердце ваш дед? Это головы тех, кого он отправил на гильотину. Здесь герцог Монпансье, там маркиз де Клермон. Вот это - Неккер, это Тюрго, там Болье-Рюбэн. А вот здесь ваш двоюродный брат, Людовик Капет, которого вы называли королем Людовиком XVI. Погодите, я вам дам список.

Он пошарил в кармане и вытащил старую пожелтевшую книжечку:

- Возьмите ее, господин Орлеанский. Это - завещание Филиппа Эгалите своему внуку, наследнику французского престола. Это его записная книжка; он аккуратно вносил в нее имена всех людей, которых посылал на эшафот. Это был, изволите видеть, его спорт. Только ради этого ваш дед и был якобинцем. Вот, возьмите эту королевскую исповедь. Мне дал ее его тюремщик. Я отсчитал ему за это сто су.

Герцог взял книжку и перелистал ее. Но он не мог прочесть ни одного слова: буквы кружились перед его глазами. Тяжело опустился он в кресло. Старик подошел мелкими шажками и встал перед ним.

- Уже один вид этой картины заставил вас содрогнуться. Тот, чьим сердцем она написана, был другой человек: его сердце заиграло бы и засмеялось, если бы он увидел ее, - так же, как сам он смеется, вон там! Поистине, я воздвиг ему прекрасный памятник. Итак, теперь вы, может быть, понимаете, господин Орлеанский, какое дело совершил я?

Вы понимаете: я впитал душу каждого и ваших предков. Здесь, в этом старом теле, которое сейчас стоит перед вами, поселились они все: Людовики и Генрихи, Францы и Филиппы. Я был одержим ими, как бесами, я должен был пережить все их преступления. Такова была моя работа!

И вы теперь понимаете, что я вовсе не какой-нибудь простой сумасшедший, который бессознательно подчиняется той или иной безумной грезе. Нет, я должен был с величайшим напряжением воли искусственно создавать в себе безумные видения. Я должен был употреблять целые недели и месяцы, чтобы блуждать в безднах ваших королевских фантазий и ввергаться в дыхание ядом пропасти ваших мыслей. Нет почти ни одного средства, господин Орлеанский, которое я не испытал бы для этой цели. Я постился, умерщвлял плоть, бичевал себя, чтобы вызвать в себе тот вдохновенно-кровавый экстаз, который так бесконечно далек от нашего теперешнего сознания. Я целые дни жил в тумане винных паров, но даже в самом диком бреде ко мне приходили только добродушные фантазии безобидного Мартина Дролинга. Тогда у меня явилась мысль сделать опыт с нюхательным табаком. Я отделил маленькие частички от сердец и смешал их с табаком. Вы сами нюхальщик, господин Орлеанский, вы знаете, какое действие производит на слизистую оболочку носа щекотание хорошего, тонкого табака: оно как бы очищает мозг. Мозг как будто

освобождается от тяжести и внезапно делается легче, подвижнее.

Но я испытал с этим своеобразно приятным ощущением нечто совсем иное. Я почувствовал, что души королей, чьи сердца я усваивал вместе с табаком, овладели моим мозгом. Они крепко уселись там, прогнали душу Мартина Дролинга в самый дальний угол и распоряжались в моем мозгу как хозяева и короли. И у моего маленького "я" осталось силы и власти лишь на то, чтобы изображать на полотне их королевские причуды - краскою, добытой из их королевских сердец. Да, господин Орлеанский, вы видите во мне всех ваших предков! Они все перевоплотились в моем мозгу - все, от вашего деда и до Филиппа V, первого Валуа, который окровавленными пальцами возложил на свою голову корону Капетингов. И они возрождают во мне - и со мной - свои души еще раз в моих картинах. Я - художник! Я как бы прообраз женщины, которой все они обладали и с которой произвели на свет своих и в то же время моих детей - вот эти картины! Да, да! художник - это женщина. Как женщина, привлекает он к себе идеи и образы, отдается им и служит им и рождает в ужасных муках свои произведения.

Голос старика звучал сдавленно, почти неслышно. Но он еще раз возвысил его с новой остротой и резкостью, со всею силою презрительной горечи:

- Я - живая наложница мертвых королей Франции! И теперь я представляю вам, последнему отпрыску Королевского Дома, счет за ночи любви! Возьмите также и их плоды! Это уж вина ваших отцов, что вышли они так некрасивы!

Он передал герцогу большой белый лист с описью картин и их стоимостью. Герцог сложил его и положил в карман.

- Я пошлю вам сегодня деньги и пришлю людей за картинами. Вы скажете им все, что нужно будет сделать. Благодарю вас, господин Дролинг! Могу я на прощание пожать вашу руку?

- Нет! - ответил Мартин Дролинг. - Вы из Орлеанского Дома.

Герцог поклонился молча.

13 июля 1842 года герцог Фердинанд Орлеанский скончался вследствие несчастного падения из кареты. В его завещании обратил на себя внимание странный пункт, в котором герцог просил после смерти передать свое сердце художнику Мартину Дролингу, 34, Rue des Martins. Король Людовик-Филипп предусмотрительно наложил свое королевское veto на это посмертное распоряжение своего сына, но нужды в том никакой не оказалось: старый художник уже скончался за несколько месяцев до того.

Его картины, по-видимому, бесследно исчезли. В завещании герцога о них не было упомянуто ни слова, а единственное место, где о них кое-что было записано, - страница из дневника адъютанта де Туальон-Жеффрара, - оказалось вырезанным.

Нужно пройти в Лувр для того, чтобы увидеть то, что осталось от сердец королей Франции. Эти останки следует искать в картине Дролинга "Interieur de cuisine", по каталогу номер 4339.